

Дмитрий Клёстов



УЛЕПЁТЫВАЮТ ДНИ...

СТИХОТВОРЕНИЯ



Дмитрий КЛЁСТОВ



УЛЕПЁТЫВАЮТ ДНИ...

Стихотворения

Кемерово
«Офсет»
2012

ББК 84Р7-5
К48

Клёстов Д.
К48 Улепётывают дни...: стихотворения / Д. Клёстов. – Кемерово:
ООО ПК «Офсет», 2012. – 98 с.

ISBN 5-85119-074-4

ББК 84Р7-5

ISBN 5-85119-074-4

© Клёстов Д., 2012
© ООО ПК «Офсет», 2012

С пилой да рубанком, с топориком вещим,
Повсюду своим и повсюду нездешним,
Я брёл по родной, благодатной Сибири,
Меня беспризорные бабы любили,
А я перво-наперво доброе дело,
Потом лишь Тургенево – Бунинских девок
Я слушал напевы, стихи – переливы
И самым несчастным и самым счастливым.



Улепetyвают дни.
Завихренивает осень,
Расчищая между сосен
Трассу будущей лыжни.

Иглы терпкие свои
Омолаживает хвоя,
Белоснежного покоя
Ждут приятели мои.

Ты в распутице – грязи
Занемог на полдороге
И напрасно ждёшь подмоги,
Тачку тяжкую везти.

Сядь, пожалуй, отдохни,
Разведи беду руками...
Счастлив тем, что жив покамест.
...Улепetyвают дни.



Хлебное поле
Здоровое тело,
Вольному воля,
Мужицкое дело,
Милая женщина,
Мудрые власти,
Солнышко вещее –
Полное счастье!



Лес да степь и вдруг Акулово
Небольшенькое село
Просоленным ветром дунуло,
Морем душу обожгло.

Дед Вакул – усы сосульками,
И в тельняшке – капитан.
Здесь Акулька в тазик булькала –
Волновался океан.

Тянет мне ручонку – крабище
Пятилетний одессит,
Кубрик пьяниц-сотоварищей
Уж который год штормит.

Над крестьянским полем сумерки
В поле ветер и ковыль,
Но село пока не умерло,
Но в селе загробный штиль.



ТЁТЯ НЮРА

Молчаливые с лесоповала,
По таёжным канонам – гуськом,
Впереди Тётя Нюра шагала,
Издеваясь над каждым сучком:

Т.Н. Ах, сучок – мужичок,
Бабе вперился в бочок,
Вот уж я тебя тварь подколотная,
Я бабёночка не-е-голодная.

И подрубленный сук что болванчик,
Нашей женщины падал к ногам.
Догадались мы Ванька – обманщик,
Это он получил по зубам.

Т.Н. Председатель – паразит,
Твоё пузо бороздит
По траве и по земле,
Надоел, паскуда, мне.

Помешал на зелёной тропинке
Любопытный сухой борщевик;
Взмах руки – семена из корзинки
По тропинке рассыпались вмиг.

Т.Н. Ах, пучка – сердючка,
Дебелая,
Далека ещё получка,
А ты – перезрелая.

Повторял про себя или шёпотом
Тётей Нюрой придуманный сказ;
Чаще дрыгались мокрые чёботы,
Чтобы броситься в ухарский пляс.

Т. Н. Ты, дубинушка, стоеросовая,
Не слиняешь от меня –
Я не бросовая.

Две осинки – смердинки - жердинки
С бережка на другой бережок
Перекинула, как на картинке,
Над ручьём появился мосток.

Т. Н. Если хочешь повидаться,
Приходи на наш мосток,
Приноси буханку хлеба
И картошки котелок.

О бессмертии дальнего друга
Попрошайничал часто язык.
Вдруг! С непрошеной нотой испуга
Бабий голос сорвался на крик.

Т. Н. Балабольте, ребячёшки,
Да притопывая,
Пусть медведь с дороги нашей
Улепётывает!

Под напором могучего зверя,
Удаляясь, валежник хрустел.
В очень близкое счастье поверить
Я пытался. Я очень хотел.

В родном доме, в родной квартире,
А сам в потустороннем мире.

До слёз любимую жилплощадь
Весь день исследует на ощупь.

То не злобивым говорком
Ругнет кого-то матерком.

Благодарит он шахту-суку,
Что отняла когда-то руку.

Зовет кого-то, гонит прочь,
И... долго, долго длится ночь.



СТИХИ ИЗ СИАМСКОЙ ТЕТРАДИ

Я заправский турист –
На груди аппарат,
Сам с усам,
Любопытный и важный.
Королевский дворец.
Таец-акселерат
Молчаливый, недремлющий
Стражник.

В развороте плечей
Древнерусская спесь,
И усмешка в глазах – пошехонца.
Встану – руки по швам:
Это Малому честь
Под лучами
Палящего солнца.
Слава богу – не раб,
Не буддийский монах,
А наследник достойный
Бойца-великана,
Что отправил на службу
Последний монарх
Обновить генофонд
Низкорослого клана.

Цену русичам знал
Добрый царь-государь –
В барыше за своих
Гренадеров:
Двести кошек блудливых –
Сиамская дань
И кокосов с бананами ворох.



ЗАГРАНПАСПОРТ

Обкорнали крылатое имя.
Человек на последнем форзаце
Никогда не шутил над другими.
Над собой позволяю смеяться.

Кто без отчества я на чужбине?
И в отечестве нету порядка:
Из младенческих лет и поныне
Василёк я, Василий, Васятка.

С этой книжицей как-нибудь свыкнусь,
Без неё-то не светит загранка,
И туманным, загадочным ликом
Не порадует взгляд индианка.

С ней я гость в Дубаях и Гаване,
Подружусь с Джомолунгмой-горою,
И в Индийском большом океане
Сапоги я, конечно, помою.



АТТРАКЦИОН

Толпа разряжалась хохотом,
Я тоже был в легком трансе:
Он кольца вращал хоботом
И каменел в реверансе.

Он по спине похлопывал
Ноженьками-столбами,
Он колдовал над попою
Отчаянной русской бабы.

А из толпы насмешливой
Кто-то кричал, беспокоясь:
Лучше бы эта женщина
Бросилась бы под поезд!

Гордость надменно прячу я:
Это ж моя жена...
В избу войдет горящую
И укротит слона.



Таец-мангуста, гады –
Низменная картина.
Надо выбросить, надо
Уйму адреналина.

Гады и бедный таец
Будто друг другу рады,
Будто с единой стаи –
Дерзко скрестили взгляды.

Брызжет слюною кобра,
Таец оскалил зубы.
Кто-то восславит гордость.
Кто-то накажет грубость.

Каждый щекочет нервы,
Но станет хвалиться после
Тот, кто ужалит первым,
Тот, кто молниеносней.



СИАМСКИЙ ЗАКАТ

Морковный морок
Умиротворил
Парной эффект
Тропического пекла.

Как феникса
Он солнце поглотил
В громадном зеве
Огненного пепла.

Подспудно жду
Рязанский холодок.
Но нет его
И никогда не будет.
Мощам пора,
Как курам, на шесток,
А чувствам – тихо
Обратиться к Будде.

Земную блажь
Отринувший монах,
Забудусь
В наркотической нирване.
Забуду о подарках,
О долгах,
О людях праведных,
Забуду и о дряни.

Глаза мои
Накроет пелена
По существу
Космического мрака.
По-сучьи и гульлива,
И вольна
Приблудится
Бездомная собака.

Во благо псине
Дверь не заперта,
Не осквернит псалма
И выверенной позы.
А на Руси
Крещенские морозы
И в иорданях
Чествуют Христа.



На спине крутой и гладкой,
Экипирован сполна,
Щекочу шершавой пяткой
Уши доброго слона.

Для близиру стукну крепко
В горяченные бока.
Он в ответ поднимет щепку
И запустит в ездока.

Джунгли пасмурней и звонче,
Речь сямская слышна.
От души поет погонщик:
«Не морозь, мороз, слона!»



Вечные заморские цветы...
Напрочь покорила орхидея.
Скворушка! Ужели это ты
Под окном заморского отеля?

Далеко-далёко занесло,
В край людских и солнечных улыбок,
Осторожной старости назло.
И за то судьбе моей спасибо.

Да и ты естественным путем
Распеваешь песни на чужбине.
Нет моей избушки над прудом
И твоей скворешни нет в помине.

Возвращаться горько и смешно
В наши разоренные пенаты,
Где не разворованы еще
Русские рассветы и закаты.

Для кого-то важен твой прилёт
И мои простецкие затеи,
Где вовсю черемуха цветет –
Северная наша орхидея.





Я встречаю рассвет
В тесной капсуле «Боинга».
Крыльев нашенских нет,
На чужих как-то боязно.

Впрочем, стресс невелик,
Посвященному – практика.
Я к окошку приник,
За окошком – галактика.

Под крылом подо мной,
Будто в огненном кратере,
Зарождается зной.
Новый день на экваторе.

Летаргический сон
Или явь визуальная?
Но в огне горизонт,
Вся планета страдальная.

Всё живое сгубят
Силы темные в сговоре.
Может, надо себя
Потихоньку соборовать?

Я пришествия жду
Напророченной мне небылицы.
В Гефсиманском саду
В нужный час приземлиться.

Над синью таёжной
Белесая дымка
Струится дремучим
Заснеженным логом.
Под кедром могучим
Изба-невидимка –
Забитая снегом,
Забытая богом.

Пустынная келья
Не знает кручины.
Среди первозданных
Сугробов-заносов
Она разговееется
Светом лучины
Да сочивом сладким
Лесных дикоросов.



БЛАГОВЕСТ

Синь морозная, воздух вольный.
Бездна чистая, как слеза.
Воздымается колокольня
В Салаирские небеса.

Седину свою запрокину
В переливчатый перезвон.
Вековечную боль-кручину
По-отцовски врачует он.

По холмам – разливанной негой,
По распадкам – блаженный шум.
Он посредник Земли и Неба
И моих застарелых дум.





Мироточа, истекла
Северная ночь.
Из бетона и стекла
Убегаю прочь.

Съежит свежестью меня
Пасмурный рассвет.
До свиданья, толчея,
Суета сует.

Обезличенных людей
Злополучный круг.
Город чопорных идей,
Вычурных заслуг.

Мне жидовская смола
Жжет подошвы, жжет.
Свет медвежьего угла,
Где изба – теплым-тепла –
Гостевать зовет.



Машенька выпорхнула из-под стола
Козочкой дикой из сказки-идиллии,
Новое слово произнесла
И заточила в рожок изобилия.

С грядок небесных и с грядок земных
Вновь собирает слова-земляничины.
Будто рождается русский язык
В чистом, своем первозданном величии.

Кругом кружится моя голова.
Что ты наделала, девочка милая?
Вдруг опрокинула рог изобилия
И... зазвенели по миру слова.



НА СПЛАВУ

Бурлит и клокочет таёжный поток,
Резвится и кружится в заводи вешней.
Я клоун, мальчишка, я просто игрок
В работе горячей, отчаянной, спешной.

Осклизлые бревна – живые тела –
Вскипают и дыбятся в тесном заторе.
Азарт и бравада. Была ни была –
Фатальная пуля в ружейном затворе.

Осечка, промашка и жабам на дно
Утащат вериги – тяжелые бродни.
В лесную деревню прибудет кино,
И спирт настоящий прибудет сегодня.

Девчат-скороспелок примчится гурьба
Из дальних и ближних таёжных заимок.
И первой любовью ошпарит судьба
В порочно-пристойном кругу вечеринок.

В брезентовом фраке, с багром на плече
Явлюсь я в деревню пред милые очи,
Напыщенный удалью русских мужей
И силой и славой рабочей.



Сквозь задиристый боярышник,
Сквозь покладистый тальник
С бодожком – дружком-
товарищем
Я шагаю на родник.

Мурава щекотно ластится,
Лист осиновый брюзжит.
Над землей касатки-ласточки
То ли юркие стрижи.

Мне кукушечка аукает,
Мне клекочет пустельга,
И часовня убаюкает
Гордый норов горняка.

Окунусь я, брызги-дребезги
Охладят шальную плоть.
Мне ли этой жизнью брезговать,
Дурням косточки молоть?

Отряхнусь, молитву истово
Сотворю на берегу.
Проблеснет святая истина
В гуттаперчевом мозгу.

ЧЕРНЫЕ ГРОЗДЬЯ РЯБИНЫ

Просвистал соловей напрасно
Лето нонешнее в саду.
Куст рябины большой и рясный
Демонстрирует красоту.

Изумительные румянцы
Ягод в веничках ледяных.
Вижу блики – протуберанцы,
Звоны-отзвуки слышу их.

Я шагаю тропинкой поздней,
А в душе непонятный страх:
Прошлогодние черные гроздья
Рядом с алыми на ветвях.

Топотня-колотун метели,
Потухающий нимб зари.
Что-то брезгают свирели
И гнушаются снегири.

Скинуть хочется перед ними
Свой треух и склониться ниц,
Что уходят в другую зиму
Доя востребования птиц.



«Пыль-Дым»

Дядя Ваня «Пыль-Дым»,
Клана некогда падшего,
Под окошком моим
На похмелку выпрашивал.

Дашь, не дашь – пилигрим
Отойдет, не обидится.
Лишь ругнется: в пыль-дым,
На том свете увидимся.

Осенила меня
Вроде выгода шкурная,
Будто книжка моя –
Что клубничка гламурная.

Вот подам-подарю,
Может быть, не побрезгует,
И за чтивом зарю
Встретит – зореньку трезвую.

Сочиненье моё
Нрава доброго, строгого
Пусть украсит жильё,
Бомжеватое логово.

Вроде, от кулака
Он шарахнулся, или от подлости,
Мол, нашел дурака
Изучать ваши повести.

Одарил бы рублем –
Взял бы он без зазрения.
Горе горькое в нем
Моего поколения.

Под окошком другим
Руки жмет заскорузлые
И поносит в пыль-дым
Сочинителя русского.



Разбилась посуда
На мелкие части
В преддверии чуда
Заблудшего счастья.

Любимое блюдо –
Такая утрата...
А гости смеются:
Ты вроде бы рада.

Порядочный веник
Упрячет осколки.
Таинственный вечер
Пребудет недолгим.

Споют дифирамбы.
Наступит остуда.
Тебе бы хотя бы
Чуть-чутьочку чуда.



ШАХТА «СЛЕПАЯ»

Она обижена судьбой:
Служить в сырой земле.
И обзывать её слепой
Позволено молве.

Она состарилась впотьмах
За много-много лет,
И не способна как-никак
Восславить божий свет.

Сиянье Млечного пути
И утренней зари
В ней имитируют, поди,
Скупые фонари.

Вечерний клекот пустельги
И ветер грозовой,
И благовоние тайги
Я привношу в забой.

За трудный опыт горняка,
За радость хлебных дней
Я канонадой взрывника
Отсалютую ей.

А за колониальный гнёт,
За много-много лет
Она единожды рванёт
На весь на белый свет.

Катакомбы, каменные гроты.
Избранный великодушно путь.
Все мои пещерные заботы –
Перемочь и выжить как-нибудь.

Гарцевал я и молился богу,
Поклонялся идолам чужим,
Откровенно мчался на подмогу
Бедным сотоварищам моим.

В мире нет и не было послушной
Русского наивного раба.
На советской столбовой конюшне
Распахнула форточку судьба.

И опять – нечистому, на откуп,
Чтобы мой неискушенный друг
Девками продажными и водкой
Ублажал непокоренный дух.

И самодовольно правил тризну,
Проклиная скудное житьё.
Шахта, шахта, малая отчизна,
Вечный зов в чистилище её.



ПОСЛЕ ВЗРЫВА

На-гора, у шахтного ствола
Водрузили маленькое тело.
Потому что яблоня цвета,
Птаха незатейливая пела.

Восходила божья благодать,
Наше долгожданное сегодня.
Было нам на это наплевать,
Ведь она сама, едрёна мать,
Выбрала работу в преисподней.

В ней мы не почуяли родства...
После взрыва в задымленном штреке
Неуместны громкие слова
О любви и богочеловеке.

В лабиринтах каменных – бедлам.
В атрибутах лунного ландшафта
Нам хотелось выпить по сто грамм,
Выйдя невредимыми из шахты.

Отрубиться надо бы, поспать,
Или книгу полистать неспешно,
Где она – красавица и мать,
Но уже во времени прошедшем.

Люблю предпраздничные дни,
Хаос желанной беготни.
Чаруя вожденный глаз,
В большой бутылки зреет квас.

Люблю торжественный канун,
Когда с влиятельных трибун
Вновь окоlesiца слышна.
Чуть-чуть приятная она.

Люблю, чтобы лукавый босс
Конвертик зримый преподнес.
Люблю я и застольный бред,
И дым дешевых сигарет,
И фешенебельный обед.



Рубашечка наглажена,
И брючки отутюжены.
– Гуд бай! Сквалыга-скважина
И бригадир простуженный.

Уже не встану в партер я
В тайге, на тропке узенькой.
Тебе не гастарбайтер я,
Хозяин толстопузенький.

В лесу научен многому:
Любви и состраданию...
Да к черту демагогию!
Спасибо, До свидания.

Я гражданский мужик.
И профессия штатская.
В обиходе моём
Ни ружья, ни клинка.
Но совсем не чужда
Мне закваска солдатская
И понятен азарт
Рядового стрелка.

Я в строю полковом
Грудь запомнил четвертого.
Вынос знамени –
Самый святой ритуал.
Забывали друзья
Про мозоли натертые
И чеканили шаг
Так, что дух замирал.

На гвардейском плацу
Мне команда державная «Смирно!»
Усмирила надолго
Крестьянскую плоть.
На весёлом пиру
И в трагедии мирной
Я не стану бузить
И горячку пороть.

Не приемлет душа
Безделушное «Вольно»,
Не дает расслабухи
Солдатская честь.
Я тащу свою лямку,
Как бы ни было
Тяжело и больно.
Присягнул я Отчизне
Словом праведным «Есть».



Мельтешу и защу белый свет.
Ни себе, ни людям нет покоя.
Я, пожалуй, выйду в интернет
На страницы русского изгоя.

Равнодушный к худу и к добру.
В голове навязчивая кашка.
С миру я по нитке соберу –
Вот и будет голому рубашка.

А свои насущные грехи
Раздарю весёлым инородцам.
Виртуальный домик у реки
Я построю с банькой и колодцем.

И впаду я в мире неземном
В чистое, распахнутое детство.
Ну, а лучше всё же на живом,
Визуальном солнышке погреться.





В полотняном балахоне,
Кушаком перепоясан,
Величав в земном поклоне
И в молчанье громогласен.

В небеса простерты руки,
Ясновидящие очи.
И мольбы за наши муки
Дни и ночи, дни и ночи.

Родничок журчит, искрится
У молитвенного камня.
Опахнет большая птица
Легковесными крылами.

Ангелом промчится мимо
И, конечно, канет в Лету.
И молитва Серафима
Озарит лазурным светом.





Я пас коров в березняке,
В крушинном логое.
Я ночью грел в коровяке
Босые ноги.

В грозу от хлётского дождя,
Стального града
Меня, как юного вождя,
Спасало стадо.

Бурёнки, жертвуя собой,
Они, скотины,
Смыкали дружно надо мной
Рога и спины.

Грозой омытый березняк
Был чист и ясен.
Не обзывал я их никак
И не дубасил.





Мне гнушаться-чваниться
Было некогда.
Омываю девку-пьяницу –
Больше некому.

Разбежались тертые
Собутыльники.
Будто врежет мертвая
Подзатыльника.

На дрянном половике
Обнаженная.
Мыло есть в моей руке
Благовонное.

Русы косы расплету –
Раскудрявятся.
Я увижу красоту –
Раскрасавицу.

И отмою добела
Руки-ноженьки.
Чтобы чистенькой была
Перед боженькой.





Я живу – через дорогу кладбище,
Хаос неухоженных могил.
Ни родных, ни друга-сотоварища
Здесь я никогда не хоронил.

Заросли колючего терновника,
Докучает дудочкой угод.
И в гостях ни одного покойника,
Даже в пьяный и кошмарный год.

Там лежат, конечно, не радители
И не доброхотная родня,
Но зато не уворуют нетели,
Порося не стащат у меня.

Сам я тоже никого не трогаю,
Но порой судачу: ё-моё,
Поскорей бы, что ли, за дорогою
Всё бы успокоилось ворьё.



НИЧЕГО ХОРОШЕГО

Ничего хорошего,
Не ахти как весело.
На аллее крошево,
На лужайке месиво.

Все пути расквашены,
Все мостки порушены.
Ничего-то с нашими
Не случилось душами.

Никакой утопии.
Неужели сглазили?
Мы весну прохлопали –
Это безобразие.



КАЗАНСКИЙ СОБОР

Седыми глыбами с низовий
Загромождая окоём,
Всплывает мрак. Парализован
Собор живительным дождём.

Дождь окропит с молитвой-гимном
Российских витязей – солдат.
И перлы песни лебединой
Под синим куполом звучат.

Воспрянет старенький фельдмаршал
И мановением перста
Укажет путь к победным маршам
Своим отчаянным войскам.

И новой прорастут былиной
Его последние слова.
И купиной неопалимой
Взойдет спалённая Москва.



Ты выбрал место для жилья,
Приемлемое старику.
Глядится горница твоя
Большими окнами в тайгу.

Творит загадочную быль
Братишка-дятел под окном,
В заборе старенький горбыль
Ошкуривая топорком.

Над кряжем гордая гора
Лохматой шапкой вознеслась.
И песнь пасхальная с утра
С твоей молитвою слилась.

Отчизна! Дышится легко,
И думка светлая в душе:
«Чертог небесный далеко
И вроде рядышком уже».





На приют карагача
У моей избушки
Налетела саранча,
Вереща и стрекоча,
К трапезе кормушки.

Воробьиная душа,
Горемычна доля,
Может, будет спасена
Этой горсточкой пшена.
Горсточкой всего лишь.



ОБНОСКИ

Меня защищали большие подростки,
Меня согревали чужие обноски.

Я путал сандалии долго и глупо,
Их забывал у колхозного клуба.

А чаще у каменистой реки
С ровесником бегал наперегонки.

Была мне шапка татарская впору
В студёную долгую зимнюю пору.

А нынче дружище, носясь по Европам,
Делится со мною своим гардеробом.

Не брезгую смачной чужой папироски,
Люблю просоленные морем матроски.

К лицу полушубок с чужого плеча.
Лишь бы не вора и не палача.



РУЧЕЙ «ТАЛДА»

Ручей красив самим собой,
Черемушником, ивняком.
Мой первый угольный забой
Был там под светлым бережком.

Неугомонный, всякий раз
С напором снеговой воды
Вскрывал всё новые для нас
Свои горючие пласты.

Берите, зяблики. Бери,
Честной и праведный народ.
Мы загружали пестери,
Нося кошелки через брод.

Смекалистая детвора
Кайлила уголёк, брала.
Дымили печи до утра
В халупах нашего села.



Не убытками, не прибытками
Слава Богу, судьба не жалует.
Поработать бы над ошибками,
Исповедуя душу шалую.

Кто меня соблазнял калачиком,
Где я плетью хлестал по обуху,
Зря ли чувства свои растрчивал,
Ловеласом был или олухом?

Где в чести кураж, был застенчивым,
Надо быть скромней, я куражился...
Вновь бросаюсь в жизнь опрометчиво.
Так мне любится, так мне кажется.



Ищет сердце радости,
Ищет горемычное
Часто в горьком градусе
Что-то закадычное.

Ищут руки зодчества
Над долами синими,
Высечь ваше отчество
С православным именем.

Ищут мысли разума,
Боевой романтики.
Быт конфеткой радует
И подносит – фантики.



ГОРА ЦЕРКОВКА

Ах! Церковка! Ух, Церковка!
Сила есть, была сноровка.
Ввысь ведет тропа-плутовка,
По камням взбираясь ловко.

На вершине скалы-зубья,
Выщербленные веками,
Рядышком, а наши судьбы –
Параллельными путями.

Шли, бегут, а будут мчаться
К неминуемой остановке.
А всего-то было счастье
На Церковке, на Церковке.



В ТОННЕЛЕ

Изгибается, как полоз,
На горячей сковородке,
И во тьму вползает поезд
По своей железной тропке.

Испугавшись, я отпрянул
От гремящего оконца.
Мне проникнул в душу прямо
Золотистый лучик солнца.

Всю дорогу мирно, тихо
Ты, насупившись, скучала.
А в потемках дико, лихо
Вдруг меня поцеловала.



После долгой и нудной спячки,
После ссоры взрывной и вздорной
Отрываются сибирячки,
Потому что они – оторвы.

В них подспудные жили гейши,
Взаперти сокрывая душу.
Долго-долго дремавший гейзер
Нынче выплеснулся наружу.

Бабья доля! А вот и воля
Век супружеский подытожить:
Трудоголик он, алкоголик,
Впрочем, это одно и то же.

Слава страждущим и влюбленным
В темном холле и в поле чистом.
Их любовник Ален Делоном
И красив, и в любви неистов.

Возвратятся – и слава богу,
С обновленным, довольным сердцем.
Муж в подушку упрется рогом
И посапывает младенцем.



Помолчим, молчальники –
Таёжная братва.
Горести с печалями
Шибко измочалили
Русские слова.

Краснобаи-выродки,
Шкурный интерес,
Да пожары, вырубки
Обкорнали лес.

Гари да проплешины,
Птицы будто сгнули.
И в тайге ни лешего,
Ни кикиморы.

Упекли охальники
Крепких мужиков.
Помолчим, молчальники,
Посреди пеньков.

Но молчанье золото –
Это не про нас.
Мы серпа и молота
Благородный класс.

Из закута дедушка
Высветит топор,
Распалим до небушка
Праведный костер.

ДЕД

Расторопно работает,
Скоренько,
В меру крепеньких
Старческих сил.
Он топориком
Правит задоринки,
Что фуганком внучок натворил.



БАЧАТСКИЙ РАЗРЕЗ

*(Нашим детям уготовано счастливое будущее.)
Советский лозунг*

Горловина смердящего кратера,
Исступленно разинутый зев.
А над ним – нелюбовь богоматери
И всевышнего истовый гнев.

Сколько силушки русской потрачено
На бессметные тонны угля.
И стоят по буграм автоматчики –
Беспардонные слуги жулья.

Вроде бы не работал с прохладцею
И не клял человеческий род,
Уготованная резервация
Ждет доверчивый русский народ.



ХРАМ Спаса-на-Крови

Прояснилось, слава богу,
В тишине родимых мест.
Говорю высоким слогом,
Православный славлю крест.

Вожденный до экстаза
Жаждой веры и любви,
Граду Питеру обязан,
Храму Спаса на Крови.

Наша кровная святыня,
Сплав российского ума,
И хранит его поныне
Богородица сама.



ИСААКИЙ

Заплутали балтийские ветры
В лабиринтах могучего града,
Будто бы с поднебесного кедра
Я смотрю с высоты колоннады.

Из таёжной деревни не всякий
Коронован ступеньками храма,
А меня одарил Исаакий
Удивительнейшей панорамой.

На огромной на каменной глыбе
Сверхъестественной праведной силой
Конь великого всадника вздыбил,
Ум которого вздыбил Россию.



Тащится тихой сапой
По закоулкам к дому
Ядрёная, светлая баба,
А очи опущены долу.

С иголочки, без укоризны,
Отглаженная одежда.
Она ни чужим, ни близким
В глаза посмотреть не может.

А кто-то с ехидцей, грубо
Выскажет напропалую:
Выродила душегуба,
Как носит земля такую...

Не было в жизни момента
Скверному слову даже.
Потомственных интеллигентов
Род навсегда изгажен.

Не помутился разум,
Это лишь и отрадно.
Законом сынок наказан,
Сердцем её оправдан.



КОСТЬ

Басня-быль

Бегают вперегонки
И кружат, скуля от скуки,
Разномастные щенки
Молодой дворовой суки.

Вышел выхоленный гость
Или правильный хозяин
Сосункам подкинул кость,
Не особенно терзаясь.

Разразилась кутерьма
Возле старого забора,
Закачалась конура
От собачьего раздора.

Обуяла жлоба злость:
Всем по косточке накладно.
И отнял он вовсе кость,
Чтобы было неповадно.



Иссякнет метельный ларец
Под жестким морозным напором...
Звонит в голове бубенец,
Считай, распогодится скоро.

Сегодня не видно ни зги,
А завтра воспрянет природа.
Мне часто стучала в мозги,
Зачем-то стучалась порода.

Ко мне благоволил завал,
Не ведал я шоковой боли,
Ремонту всегда подлежал,
Косметическому, не боле.

С любой непогодой мирюсь,
Любым наслаждаюсь сезоном,
И даже немного горжусь
Шахтерским худым пенсионом.



МАМА ОХРАНЯЛА НЕФТЕБАЗУ

От жары нет никого спасу,
Холодно – и тоже нет житья...
Мама охраняла нефтебазу,
Подменял её частенько я.

Ни на чью подмогу не надейся
Беспросветной осенью в ночи,
Лишь в кусок подвешенного рельса –
Если что – стучи себе, стучи.

Обходил свой пост наполовину,
Шевеля калошами едва.
Но в лихую, черную годину
Не было в России воровства.

Мог зато утрами возгордиться
Перед ребятишками села.
Будто бы советская граница
Там, за нефтебазой, пролегла.



Синий сумрак снегопада,
Заводная кутерьма.
Несказанная отрада
Наша русская зима.

Убеленная аллея,
Потаенная лыжня.
И грустит лесная фея
В ожидании меня.

Не туда идешь, кулёма,
Свищет ветер-снеговой,
Ведь она сегодня дома
Среди праздничных гостей.



А вино тебе не впрок,
Званный ужин не по вкусу.
Молодой, ядрёный сок
Не сопутствует искусу.

И не избежать молвы,
Пресмыкающихся сплетен.
Целомудренной вдовы
Ярлычок тебе не светит.

На фиг бабе ярлычок,
Аскетические лясы...
Бабе нужен мужичок,
Если мужичок согласен.



Я на мажорную волну
Настроенный сполна:
Собака выла на луну,
А ночь была темна.

Собачий недруг или друг
Спешит себе домой.
Канализационный люк
Закроет за собой.

Прогонит шелудивых крыс,
Молитву бормоча.
А месяц выглянул. Повис
На векторе луча.



По своей да божьей воле
Ты занозою села
Стала вдруг: домой в подоле
Суразёнка принесла.

Сердобольные соседи
Гроши кровные свои
По ларям да по сусекам
На пеленки наскребли.

Лишний рот в крестьянском доме
Не был в радость мужику.
И трещат бабёнки-вдовы:
В нашем прибыло полку.

Приголубила мамону
Видно, стало невтерпеж.
Но прикрыла генофонду
Умирающему брешь.



МОЛОЧНИЦА

На центральной воскресной площади
Произвольно возник базар.
С салаирских лугов молочница
Разливает коровий дар.

Стать крестьянская, взгляд с достоинством,
И пригоженькая лицом.
Верно, сливками Зорька доится,
Вот сметана – хоть режь ножом.

Не родня суррогату пришлому,
И заморскому не чета.
Запустили на горе ближнему
Наши девственные места.

Вроде как не наелись досыта
Сладкой БАДовской чепухи.
И правительственные особи
Засушили свои мозги.

На студёном ветру полощется
Непонятно какой штандарт.
Слава богу, что есть молочница,
Разливающая нектар.



Хвала и слава демагогу,
Что сам себя приблизил к богу.
Новейший выдумал завет
И жизнь продлил на 20 лет.





Луна большая-пребольшая,
Звезда смиренная над ней.
И полумрак чужого края
Уже вчерашнего добрей.

Я не цыганистый пришелец,
В селе ворующий коня.
Обрез приятеля нацелен
В другого парня, не в меня.

Не суетясь напропалую,
По свежескошенной стерне
Я увожу жену чужую
При любопытнейшей луне.

Она, как девочка, робеет,
Меня до обморока зля.
А где-то там, но только с нею
Обетованная земля.



Хрупай яблочко, хрусти
Аппетитными плодами.
Место лучше не найти
За колхозными дворами.

Там вокруг такая тишь,
Благодать сибирской ночи.
Там соломку точит мышь,
Да еще чего-то хочет.

Мне бы тоже захотеть
Платонического блюда...
Молодица, чудо-юдо,
Хватит яблочком хрустеть.





Привет тебе великодушный, скунс!
Мы, наконец-то, обоюдно рады.
Теперь уж ты не скёшься, я не скусь
За деньги и халявные награды.

Я на плаву, и ты не у руля.
Нас даже в чём-то уравнила старость.
Не раздражает вольного меня
Твоя жидовская картавость.

Свирепствует уже который год
Материальный и духовный голод.
Не залетает в твой раскрытый рот
Изжаренный на сковородке голубь.

Давненько сотоварищи ушли
Из молодой проходческой когорты,
Но в памяти по-прежнему свежи
Твоим нутром изгаженные орты.

Приберегаю, жертвенно коплю
В большом труде истраченные силы,
Чтобы на вые захлестнуть петлю
Хоть одного предателя России.



По утру облака
Окропили росой
Наш весёлый пикник
На интимной лужайке.
– Укатали-то как, –
Рыркнет заяц косою.
Наш безумный ночлег
Не понравится зайке.
Мне покаяться бы
Над проделкой лихой,
Да жульё-комарьё
Беспардонно лютует.
И кружится пчела
Над горящей щекой
За дарённым нектаром
Твоего поцелуя.



ТЫ РАДОСТЬ МОЯ

Не поранить бы мне
Словесами-каменьями
Наш наивный, простой,
Работающий народ...
Припадаю к стопам
Чудотворца из русского племени,
Но какая-то оторопь душу берёт.

Глух и чужд монастырь
Нигилистам и сводникам.
А халявной краюхе
Завидовал я.
Нынче слышится мне
Несказанная речь Преподобного,
Ублажающий голос:
«Ты радость моя!»



Обмолочены нивы хлебные,
Зреет пряный дух в золотой скирде,
А крестьянское раболепие
Держит норов мой в ременной в узде.

Зябко стало мне в дачном промысле,
Дело валится из уставших рук.
Все друзья меня позабросили,
И подруге моей недосуг.

Хата добрая, банька крепкая,
Есть картошечка, и капуста есть,
Бродит в подполе брага терпкая.
Кущи райские – это здесь.

Тяга вечная – ближе к городу,
Ванна теплая да контрастный душ.
А из города – снова в логово
Под неистовый комариный туш.





Кто шуршит навесом
В глубине двора,
Кто прогонит беса
С моего ребра?

Утром спозаранок
Мудрая жена
Пышек да баранок
Напечет сполна.

Но к её трапезе
Я не прикоснусь,
А стихами грезить
Буду наизусть.

И тогда вразвалку
Подойдет ко мне
И почешет скалку
По моей спине.



Широка борода – помелом.
Получил по зубам – поделом.

Разве можно гулять в саду,
Где играет шпана в чехарду?

В этой кодле, ораве, гурьбе
Ох, несладко придется тебе.

Как в дурном, лихорадочном сне
Будут черти скакать по спине,

Сами подлую травку курить,
Чьим-то задом по заднице бить.

Ты медалью своей не бренчи,
Здесь законы диктуют прыщи.

Хоть ори на околицу всю,
Но стоять тебе, дед, буквой «зю».



На взгорье дюжина берез,
И первый утренний мороз
Их опоясал кушаком,
Кисейным белым куржаком.

А мой собачий малахай
Затронул ветку невзначай:
Исчезли иней, кисея
За шиворотом у меня.



Вот и выборы.
Голос мой – глас
Вопиющего смерда в пустыне.
Воровской необузданный класс
Эту власть никому не отдаст,
Сам её никогда не покинет.

Задремавшую совесть взбудрю
Самогоночкой сокровенной,
Суну маленький пальчик
В ноздрю
И заулыбаюсь блаженно.





Последнего гвоздя –
Пожизненная хватка,
И крапинки дождя
Сперва как бы украдкой
С лазурной высоты,
Затем напропалую
Испробуют листы
На прочность вековую.
И, тронутый до слез
И месяцем сияя,
На крыше в полный рост
Поднимется хозяин.
Я влезу на конёк,
На смотровое чудо.
Мой главный теремок
В моих мечтах покуда.
А дождь – хороший знак
Небесных канцелярий.
И пенится первак
В ореховом угаре.



СМОТРИНЫ

На вечёрке смотрины,
Стало быть, состоятся.
Манекеном с витрины
Буду я улыбаться.

А меня, как ублюдка,
Оглазеют бесстыже,
От зубов до желудка,
А потом и пониже.

Работящи ли руки,
Быстроходны ли ноги,
Есть ли шрамы и глюки,
Все ли выжаты соки,

Нет ли лоска и грима –
Всё прознают бабёнки.
Ну, а главный-то имидж –
Ну, конечно, деньжонки.

Это вовсе не плохо.
Жисть – жистянка такая.
Ловеласом и лохом
Я себя не считаю.

Склонен к жизненной прозе,
Не заёмный умишко.
Ну, а главный мой козырь –
«Мерседес» и сберкнижка.

СТАТУЯ

Хребтина черного моста
Грохочет лязгом чугуна.
Утихомирят ли узда
Дикарский норов скакуна?

Жокею бедной головы,
Я знаю, нынче не сносить,
И волны медленной Невы
Сокроют бешеную прыть.



Не мороз, а морозко,
Не речушка – ручей.
Индевеет берёзка
В дорогой епанче.

А кусты краснотала,
Приручейный тальник
Весь в заморских кораллах
Ниоткуда возник.

Не отшибло ли память
Среди белого дня?
То протока, то наледь,
Что ни шаг – западня.

Заллутать не боюсь я,
Мне ручей – поводырь.
Пахнет родиной – Русью
Притаёжная ширь.



ГЕРАНЬ

На окошке, дружище, глянь,
Заневестилась, ёлки-палки,
Одомашненная герань
В спертom воздухе коммуналки.

В буераках глухой тайги
Воды вешние затомились.
За окном не видать ни зги,
На окне моём – божья милость.



СОБАКА

На задворках дележка сфер:
Алкаши затевают драку,
С детства знакомый пенсионер
Выгуливает собаку.

Ущербное тельце с тяжелых рук
Бережно опускает.
И тотчас же образует круг
Бродячих собачек стая.

Тянется умной мордой своей
К таксе, болонке, догу.
Кто-то лизнёт, а кто-то над ней
Вздёрнет брезгливо ногу.



Я однажды нарушил устав,
Я присягу однажды нарушил.
За колючей оградой поста
Лишь отрадную музыку слушал,

Что свободно и плавно лилась
Из распахнутых окон гаштета,
Обретая великую власть
Над вечерними звуками лета.

И казалось мне, лоси в тайге
Про счастливые весны трубили,
И строка ревновала к строке
В чистой песне лазурной Сибири.

Навестил я родимый очаг
И с невестой обмолвился словом.
И впотьмах затаившийся враг
Тоже музыкой был очарован.



Светлым-светло,
Белым-бело
Струится лунная дорожка
В моё горячее жильё,
В моё прохладное дупло
Через лукавое окошко.

Я нынче свечи притушу,
Подругу в мыслях навещу
В её струящейся одежде.
Я буду сказки говорить,
Лукавить, мудрствовать, хамить
И просто рядом близко быть
Щеглом, котёночком, невеждой.



СМУТНОЕ ВРЕМЯ

В череде окаянных времён,
На интрижке надуманно-хитрой,
Беспардонно восходит на трон
Бутафорский Лже-Дмитрий.

Но дойдет до нижайших умов
Это сладкое слово – измена.
Среди своры продажных попов
Воссияет чело Гермогена.

И кремлёвская пушка пальнёт
Вражьем духом, смердящимся прахом,
Смерд российский довольно рванёт
Окровавленную рубаху.

Как уж тут не напиться с утра,
Повод есть – настоящий...
Но Руси далеко до Петра,
А до Сталина – дальше.



Мрас-Су

Наберу разноцветных камней,
Благородные светлые камушки.
Чтобы думалось дольше о ней,
О сибирской таёжной сударушке.
В небеса восходящие свечками
Пихты красят её берега,
А суровые парни – зека
Величают поделницей-зэчкою.
Словно тёмной оградой тюрьма
Черневою тайгой оторочена,
Потому что она задарма
Те же самые брёвна ворочала,
И обстирывала Гулаг,
Разговляла на чифир и пойло,
Много трупов она приняла,
И омыла их, и успокоила.



Мосты, виадуки, тоннели,
Вагонных колёс перестук
Обрыдли, осточертели
Под тяжестью вечных разлук.

Тоннели, мосты, виадуки,
Вагонных колёс стукоток.
Какие отрадные звуки,
А рядышком с вами подруги
Напевный родной голосок.



Всходит зорька и глаза режет.
Мне, зырянычу, моей Зорьке
Я сорву огурец свежий
Да разрежу его на дольки.

Эти дольки обмакну в соли,
Запашистую выжму пенку.
С летом красным я вошёл в долю,
Наработаюсь опять в стельку.



Я был жесток, но прав, пожалуй,
Что, бессознательно браня,
Я уводил тебя с пожара
От сумасшедшего огня.

Огонь и полымя – пучина.
Тебе навряд ли будет впрок
Души и кроткой, и безвинной
Такого зрелища урок.

К чему тебе чужое горе,
Когда беспомощная ты.
Смотри, на чистом косогоре
С красивым отблеском цветы.

И пахнут молодо и остро,
Как бабушкин подовый хлеб.
Подумаешь, у дяди монстра
Сгорел еще один вертеп.



Кленовый лист похожий на синицу
И желтизной,
И спелостью своей,
Прилип к стеклу
И вроде бы стучится.
Зачем? Что делать
В горнице моей?

Примета – чушь.
Не годен на растопку.
И без него теплится
Комелёк.
И все-таки, налью,
Пожалуй, стопку.
На белом свете
Я не одинок.



ЧЕРТА

Я пешочком прошёл
Предначертанный путь,
За черту горизонта
Стараясь шагнуть.
Но маячила мне роковая мечта:
Горемычная шахта
В посёлке Черта.

Подземельное кредо.
Глубинный Парнас.
Факел жизни моей
Возгорался и гас.
Лез я в самое пекло,
Других наперед.
Только в царстве Аида
Особый отсчёт.

Мне в забое нудил
Вопиющего глас,
Что мой корень –
Спрессованный угольный пласт.
А взрывная, горючая
Сила пласта –
Это крона моя,
Вековая листва.

Не приемлет пока
Молодая душа
Стариковские вопли
И скулежа.
Я ведь пестовал сам
Гольтьбу-бедноту.
Вот и вышвырнут ныне
За эту черту.



СОДЕРЖАНИЕ

«С пилой да рубанком...»	3
«Улепётывают дни...»	4
«Хлебное поле...»	5
«Лес да степь и вдруг Акулово...»	6
Тётя Нюра	7
В родном доме в родной квартире	9
«Я заправский турист...»	10
Загранпаспорт	12
Аттракцион	13
«Таец - Мангуста...»	14
Сиамский закат	15
«На спине крутой и гладкой...»	17
«Вечные заморские цветы...»	18
«Я встречаю рассвет...»	19
«Над синью таёжной...»	20
Благовест	21
«Мироточа, истекла...»	22
«Машенька выпорхнула из-под стола...»	23
На сплаву	24
«Сквозь задиристый боярышник...»	25
Чёрные гроздья рябины	26
«Пыль – Дым...»	27
«Разбилась посуда...»	29
Шахта «Слепая»	30
«Катакомбы, каменные гроты...»	31
После взрыва	32
«Люблю предпраздничные дни...»	33
Рубашечка наглажена	34
«Я гражданский мужик...»	35
«Мельтешу и защу белый свет...»	37
«В полотняном балахоне...»	38
«Я пас коров в березняке...»	39

«Мне гнушаться-чваниться...»	40
«Я живу, через дорогу кладбище...»	41
Ничего хорошего	42
Казанский собор	43
«Ты выбрал место для жилья...»	44
«На приют карагача...»	45
Обноски	46
Ручей «Талда»	47
«Не убытками, не прибытками...»	48
«Ищет сердце радости...»	49
Гора «Церковка»	50
В тоннеле	51
«После долгой и нудной спячки...»	52
«Помолчим, молчальники...»	53
Дед	54
Бачатский разрез	55
Храм Спаса-на-Крови	56
Исаакий	57
«Тащится тихой сапой...»	58
Кость (басня – быль)	59
«Иссякнет метельный ларец...»	60
Мама охраняла нефтебазу	61
«Синий сумрак снегопада...»	62
«А вино тебе не впрок...»	63
«Я на мажорную волну...»	64
«По своей да божьей воле...»	65
Молочница	66
«Хвала и слава демагогу...»	67
«Луна большая, пребольшая...»	68
«Хрупай яблочко, хрусти...»	69
«Привет тебе великодушный, скунс...»	70
«По утру облака...»	71
Ты радость моя	72
«Обмолочены нивы хлебные...»	73

«Кто шуршит навесом...»	74
«Широка борода – помелом...»	75
«На взгорье дюжина берёз...»	76
«Вот и выборы...»	77
«Последнего гвоздя...»	78
Смотрины	79
Статуя	80
«Не мороз, а морозко...»	81
Герань	82
Собака	83
«Я однажды нарушил устав...»	84
«Светлым-светло...»	85
Смутное время	86
Мрас-Су	87
«Мосты, виадуки, тоннели...»	88
«Всходит зорька и глаза режет...»	89
«Я был жесток, но прав, пожалуй...»	90
«Кленовый лист похожий на синицу...»	91
Черта	92

Литературно-художественное издание

КЛЁСТОВ Дмитрий Петрович

УЛЕПЁТЫВАЮТ ДНИ

Стихотворения

Редактор Борис Бурмистров
Технический редактор Ирина Корнилова
Компьютерная верстка Екатерина Паюсова

Подписано в печать 20.10.2012.
Формат 70х90 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. листов 6,25. Тираж 300. Заказ № 923.

Отпечатано в ООО ПК «Офсет».
г. Кемерово, 650001, ул. 40 лет Октября, 1Б.
Тел. (3842) 75-43-89, тел./факс (3842) 34-96-41.

© Клёстов Д. П., 2012

© ООО ПК «Офсет», 2012



Дмитрий Клёстов родился в 1942 году в селе Евтино, Беловского района, Кемеровской области. Основная профессия – шахтёр и дюжина других освоенных специальностей.

Книги: «Земная ноша», «Оглянись с большака», «Иродов лог», «Любо – дорого», «Избранное». Член Союза писателей России. Живёт в городе Гурьевске.